

УДК 994

Статья посвящена проблеме политического долголетия в странах Тропической Африки. В центре внимания – вопросы сохранения власти и правомерности расширения сроков президентства.

Ключевые слова: Африка; Уганда; Йовери Мусевени; политическое лидерство; электоральные процессы; демократия; авторитаризм; диктатура.

The article deals with the problem of political longevity in the countries of Sub-Saharan Africa. It focuses on the preservation of power and the legitimacy of expanding presidential terms.

Keywords: Africa; Uganda; Yoweri Museveni; political leadership; electoral processes; democracy; authoritarianism; dictatorship.

Т. С. Денисова

*Институт Африки РАН
E-mail: tsden@hotmail.com*

Уганда: всеобщие выборы 2016 г. и проблема политического долголетия

Научная статья

T. S. Denisova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Uganda: the 2016 General Elections and the Problem of Political Longevity

Scientific article

Все или почти все африканские политические лидеры, получив в свои руки бразды правления, приступали либо к подготовке новой конституции, либо к внесению в нее поправок, касающихся полномочий трех ветвей власти – законодательной, исполнительной, судебной, деятельности политических партий, процедуры парламентских и президентских выборов, но редко обращались к вопросу о длительности пребывания главы государства на его посту. Объясняется это просто: два 4–5-летних срока гарантировались всеми конституциями, впереди были еще 8–10 лет властвования и многое могло измениться, так зачем же без особой нужды заранее возбуждать общественное мнение?

В результате в странах Тропической Африки образовалась довольно многочисленная группа лидеров-долгожителей: Леопольд Седар Сенгор (1960–1980, Сенегал), Ахмед Секу Туре (1958–1984, Гвинея), Феликс Уфуэ-Буаньи (1960–1993, Кот-д’Ивуар), Хастингс Камузу Банда (1966–1994, Малави), Омар Бонго (1967–2009, Габон), Масиас Нгуэма (1968–1979, Экваториальная Гвинея), Джомо Кениата (1964–1978, Кения), Кеннет Каунда (1964–1991, Замбия), Джулиус Ньерере (1962–1985,

Танганьика, затем Танзания), Теодоро Обианг Нгуэма Мбасого (1979–н/в, Экваториальная Гвинея), Блэз Компаоре (1987–2014, Буркина Фасо), Поль Бийя (1982–н/в, Камерун), Яйя Джамме (1996–н/в, Гамбия), Поль Кагаме (2000–н/в, Руанда), Дени Сассу-Нгессо (1997–н/в, Республика Конго), Идрис Деби (1990–н/в, Чад), Йовери Мусевени (1986–н/в, Уганда) и др., – создавших режимы личного управления, отличавшиеся разными уровнями «демократичности», репрессивности и эффективности.

Однако лидеры, сохранявшие власть в течение долгого времени, однажды оказывались перед выбором: уйти из большой политики, оставшись в памяти потомков приверженцами принципов демократии и гражданских свобод; проигнорировать положения Основного закона, рискуя возбудить массовое недовольство или вмешательство армии, или тем или иным способом внести соответствующие поправки в конституцию. Первое чревато не только утратой власти, но и привилегий, и огромных доходов, второе – опасностью для жизни. Именно третий вариант – «конституционного переворота» – представлялся многим из них наиболее предпочтительным.

© Денисова Т. С., 2016

Осуществить «переворот» этого типа удалось далеко не всем африканским лидерам. Например, Олусегун Обасанджо (глава Нигерии в 1976–1979 и 1999–2007 гг.) в 2007 г. пытался, но не сумел продлить срок президентства, как и Фредерик Чилуба (Замбия, 1991–2002) в 2000 г. Более успешными оказались Сэм Нуйома (Намбия) в 1999 г., Идрис Деби (Чад) в 2001 г., Лансана Конте (Гвинея) в 2001, Гнассингбе Эйадема (Того) в 2002, Омар Бонго (Габон) в 2003 и Йовери Мусевени в 2005 г.

В 1986 г., став «провозглашенным» (а не избранным) президентом и произнося на церемонии инаугурации присягу, Мусевени отметил, что «проблема Африки в целом и Уганды, в частности, – не народ, а лидеры, засидевшиеся у власти» [1, р. 71]. В 1996 г. он впервые победил на всеобщих выборах. В предвыборном манифесте 2001 г. Мусевени пообещал уйти в отставку по окончании в 2006 г. «второго» срока президентства [2, р. 177]. Как и многие африканские политики, быстро отказывающиеся от предвыборных обещаний, угандийский лидер, видимо, тоже забыл о сказанном много лет назад и в феврале 2016 г. в пятый раз одержал победу на всеобщих президентских выборах. Но не является ли подобная «забывчивость» оправданной в одних случаях и совершенно недопустимой – в других? Пример Мусевени как нельзя лучше помогает ответить на этот вопрос.

Политическая биография – особая область исследования, чреватая не всегда верной интерпретацией поступков «героя», особенно если он еще не стал «достоянием истории», по-прежнему занимает высокое положение и играет заметную роль в национальной, региональной и международной политике. Создавая политический портрет действующего главы государства, нельзя забывать, что в его жизни еще возможны повороты, которые высветят такие черты характера, которые до сих пор не просматривались. Особенно когда речь идет о столь противоречивой фигуре, как Мусевени.

Йовери Кагута родился 15 августа 1944 г. в регионе Анколе в Западной Уганде в семье крупного землевладельца. По отцовской линии принадлежит к аристократическому слою народа баньянколе – бахима. Псевдоним «Мусевени» он обрел в память о братьях отца – участниках Второй мировой войны: «мусевени» называли

солдат седьмого батальона Королевских африканских стрелков. Начальное и среднее образование Йовери получил в угандийских школах, высшее – на факультете экономики и политологии университета Дар-эс-Салама. В студенческие годы увлекся идеями марксизма и создал организацию «Африканский революционный фронт студентов университета». Подготовку к партизанской войне Йовери проходил в конце 1960-х гг. в рядах Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), созданного, кстати, в 1962 г. в Дар-эс-Саламе.

Вернувшись в Кампалу в 1970 г., Мусевени начал работать в администрации Милтона Оботе (президент Уганды в 1966–1971 и 1981–1985 гг.). После переворота 25 января 1971 г., осуществленного Иди Амином (президент Уганды в 1971–1979 гг.), вынужден был бежать в Танзанию. Провал в 1972 г. военной операции, предпринятой против Амина с территории Танзании, побудил Йовери создать собственное движение – Фронт национального спасения (ФРОНАСА), бойцы которого повышали боевую квалификацию в Мозамбике. В 1978 г. в результате военной операции, проведенной угандийскими вооруженными отрядами и подразделениями танзанийской армии, режим Амина пал. Мусевени стал самым молодым членом администрации президента (1979 г.) Юсуфа Луле, а затем в том же году – президента Годфри Бинаисы (1979–1980). В 1979–1980 он был министром обороны в правительстве М. Оботе.

В 1980 г. состоялись президентские выборы, победу на которых, подтасовав итоги голосования, одержал Оботе, и Мусевени, заранее предупредивший его, что не допустит фальсификации, начал вооруженную борьбу против правящего режима [3, с. 902–903].

В феврале 1981 г. была создана Армия национального сопротивления (АНС), которая в июле трансформировалась в Движение национального сопротивления (ДНС, или просто «Движение»). В стране началась гражданская война. 27 июля 1985 г. произошел военный переворот во главе с генералом Тито Окелло Лутва, который предложил всем оппозиционным группировкам прекратить военные действия и войти в состав правительства национального единства, но, так как правительственные войска продолжали зверствовать в сельских районах, Мусевени решил продолжить боевые действия. В январе 1986 г.

ДНС начало наступление на Кампалу, 26 января повстанцы взяли столицу штурмом, а 29 января Мусевени был провозглашен президентом страны.

В наследство от предыдущих режимов Мусевени досталась экономика, разрушенная в результате гражданской войны и плохого управления: большая часть промышленных предприятий была закрыта, непроезжие дороги требовали срочного ремонта, налоги не собирались, бюрократия бездействовала, национальная валюта полностью обесценилась. Спустя семь месяцев после прихода к власти правительство Мусевени приступило к реализации структурных экономических реформ с использованием масштабной внешней помощи. Искреннее желание новых лидеров восстановить страну привело почти к немедленному росту экономики. Вначале режим сопротивлялся многим требованиям (закрытие нерентабельных предприятий, увольнения в госсекторе, замораживание зарплаты и т. д.) международных финансовых институтов (МФИ), но с начала 1990-х гг. правительство подчинилось навязанной ему «бюджетной дисциплине» и приняло ряд как популярных, так и вызвавших недовольство населения мер: ввело курс плавающей валюты – угандийского шиллинга, сняло ограничения на объемы производства экспортных сельскохозяйственных товаров (кофе, чай, хлопок), ослабило лицензионный контроль, сформировало благоприятный инвестиционный климат и т. д. К концу первого десятилетия после начала реформ ежегодный рост ВВП стал достигать 7 % [4, p. 317].

С 1990-х гг. с некоторыми незначительными периодическими спадами Уганда переживала постоянный экономический рост. В 2010-е гг., несмотря на снижение мировых цен на ряд экспортных товаров, страна сохранила макроэкономическую стабильность, рост ВВП в 2015 г. составил 5,9 % (по сравнению с 4,5 % в 2014 г.) [5].

Экономический рост способствовал расширению внешней поддержки режима, а политическая стабильность обусловила увеличение объемов инвестиционных вливаний и донорской помощи. Уганда стала примером того, как почти разрушенное государство способно восстанавливаться при благоприятных внешних и внутренних условиях, а также при наличии «надлежащего руководства».

Биография Мусевени показывает пример стремительного продвижения к власти человека, уже в молодые годы умудренного разнообразным

опытом – житейским, эмигрантским, повстанческим, преподавательским и административным. В отличие от многих африканских лидеров Мусевени, видимо, уже в момент занятия высшего государственного поста понимал, что завоевание власти – лишь полдела, гораздо важнее ее сохранить и упрочить. Поэтому, едва придя к власти, он сразу же приступил к осуществлению «фундаментальных политических изменений», в т. ч. к реформе системы местного управления, которая предусматривала отстранение традиционных вождей и распределение административных обязанностей среди формально избранных, а фактически назначавшихся членов ДНС, а также к формированию правительства «на широкой основе», в которое вошли представители различных этнических групп (хотя и с преобладанием баньянколе) и регионов (впрочем, с доминированием южан). Полиэтнический состав кабинета позволил Мусевени расширить и укрепить электоральную базу и «группу поддержки» в госслужбе и парламенте.

В целом первое десятилетие правления Мусевени было отмечено принятием ряда прогрессивных мер, в т. ч. созданием армии Уганды на основе АНС с привлечением боевиков из других вооруженных группировок и «всенародным» обсуждением проекта новой конституции. Более того, действия недавних повстанцев, направленные на эффективное развитие государства и общества, полностью опровергли распространенное мнение, что бывшие боевики не способны на миростроительство и восстановление экономики. Мусевени доказал, что это не так. Однако легитимность режима все еще была под вопросом: угандийцы помнили многочисленные акты насилия, осуществлявшегося не только армией Оботе, но и повстанцами Мусевени, прежде всего на севере – в местах проживания ачولي. В условиях политической нестабильности трансформация режима в сторону закручивания гаек была неминуемой. С середины 1990-х гг. все отчетливее стали проявляться авторитарные тенденции в руководстве: Мусевени укреплял свою власть, во-первых, путем отстранения влиятельных общественных деятелей от процесса принятия политических решений; во-вторых, посредством установления жесткого контроля над оппозицией.

В стране была создана т. н. беспартийная политическая система, в рамках которой ДНС стало доминирующей политической силой. Вопреки новым – демократическим – веяниям, распро-

странившимся на континенте в 1990-е гг., Мусевени не уставал – вслед за отцами-основателями однопартийных государств первых лет независимости – повторять, что наличие нескольких партий ведет к разногласиям, расколам, сепаратизму и конфликтам, указывая, в частности, на постколониальный опыт Уганды с ее бесконечной сменой режимов. В результате, с одной стороны, Конституция 1995 г. и Закон о политической организации 2002 г. запрещали деятельность всех политических партий, с другой – на Движение, формально не являвшееся политической партией, не распространялись никакие запреты и тем самым укреплялась его гегемония в политической жизни.

Динамизм Мусевени, безусловно, способствовал осуществлению радикальных политических преобразований, однако серьезной проблемой, стоящей перед страной и сегодня, остается отсутствие политических и гражданских свобод. Конечно, Мусевени, лично участвовавший в вооруженных столкновениях, не признававший авторитетов, получивший прозвище «африканского смутьяна», – храбрый человек. Единственное, чего он опасается (и это можно понять – он слишком много сделал для страны, чтобы спокойно наблюдать, как сводятся на нет достигнутые им успехи), – это потерять власть. Отсюда – его жесткость в отношениях не только с противниками, но и с союзниками, использование разнообразных и зачастую «недостойных» способов привлечения сторонников – подкупа и угроз. Особенно это проявляется в ходе предвыборных кампаний и самих президентских выборов.

Так, на выборах 2001 г. соперником президента стал его личный врач и соратник еще с повстанческих времен Кизза Бесидже. Конечно, Мусевени был потрясен «предательством», как он квалифицировал это, старого товарища и обвинял его во всех грехах вплоть до того, что Бесидже якобы болен СПИДом. После выборов Бесидже вынужден был бежать из страны, опасаясь преследований. Понятно, что «проблема Бесидже» была очень болезненной, хотя и высветила то, что на самом деле и так ни для кого не было секретом: ДНС – это в значительной степени личная вотчина президента, служащая упрочению его власти.

В начале 2003 г. Уганда была потрясена двумя новыми, в какой-то мере взаимоисключающими, заявлениями правительства: о предполагаемом возобновлении деятельности политических

партий и возможной отмене конституционных положений об ограничении президентства двумя сроками. Однако, вместо того чтобы внести в Основной закон поправку, которая позволила бы Мусевени избираться на третий срок, как это было сделано в Замбии, Малави и некоторых других странах, угандийский лидер потребовал, чтобы ограничения были удалены полностью, а ему предоставлена возможность стать пожизненным президентом.

В 2005 г. путем почти открытого подкупа или устрашения парламентариев, вывода из депутатского корпуса «диссидентов», озабоченных персонализацией власти и постоянными политическими манипуляциями, Мусевени получил необходимое большинство голосов за отмену всяких временных ограничений президентства и возможность в 2006 г. баллотироваться на третий срок – уже на многопартийных выборах, так как разрешение на деятельность политических партий было дано в 2005 г.

В ходе предвыборной кампании 2006 г. Мусевени неограниченно использовал государственные ресурсы, технические средства, услуги военных и охранных фирм, чтобы победить соперников, однако выборы опять были омрачены нарушениями и насилием [6, р. 47–53]. Расколы в правящей коалиции после выборов стали еще глубже, так как Мусевени не скрывал, что решил баллотироваться в 2011 г. Рядовые депутаты от ДНС также выражали недовольство авторитарным стилем правления Мусевени, в частности жестким контролем их парламентской фракции, которую он сделал полностью подчиненной исполнительной власти. Несмотря на критику изнутри ДНС, президент был убежден, что он единственный, кто сможет победить на выборах, тем более что он полностью контролировал армию, Избирательную комиссию (ИК) и Верховный суд и вообще правил и правит как «монарх». Мусевени выстроил высокоцентрализованную политическую систему, в рамках которой он лично делает назначения на все высокие должности, вмешивается в дела государственных учреждений, занимается распределением государственных ресурсов, не следуя правилам и процедурам, и единолично принимает важные политические решения.

Главное место в политике Мусевени занимают вопросы обороны, что, впрочем, естественно для бывшего повстанческого лидера. В известной

мере это оправданно – достаточно вспомнить проблемы Уганды в сфере безопасности, которые до сих пор не разрешены на севере страны, куда с соседних территорий продолжают осуществляться набеги боевики Армии сопротивления Господа. Мусевени превратил угандийскую армию в мощную военную машину, которую он эффективно использует в миротворческих операциях, во время выборов – для устрашения оппонентов, при сборе налогов, для пресечения контрабанды и т. д. Угандийский лидер свято верит в армию как наиболее действенную политическую силу, о чем свидетельствует и быстрое продвижение вверх по лестнице военной иерархии его старшего сына – командира спецназа, бригадного генерала Мухузи Кайнеругабы, о котором говорят как о наиболее вероятной кандидатуре следующего президента. То, что Мусевени, имеющий чин генерал-лейтенанта, не является кадровым военным, и то, что в стране проводятся регулярные выборы и заседает парламент, не позволяет относить угандийский режим к военным, но, по сути, его вполне можно квалифицировать как квазигражданский.

Мусевени осуществил множество популистских реформ в социальной сфере: были введены различные льготы для женщин и других наиболее уязвимых групп, расширен доступ к начальному образованию, принимаются меры по борьбе со СПИДом. Внимание к этим вопросам заметно отличает Мусевени от предыдущих лидеров и побуждает население верить в него как в единственного гаранта стабильности и благополучия. Восхваления, в значительной степени оправданные, и внутри страны, и извне продолжают, несмотря на жесткое подавление оппозиции, нарушение прав человека, ограничение гражданских свобод, рост коррупции и другие злоупотребления лидеров режима.

Претенденты на пост президента в Уганде должны быть гражданами страны по рождению и в возрасте 35–75 лет. В выборах 18 февраля 2016 г. участвовали 8 кандидатов. 71-летний Й. Мусевени победил, получив 60,75 % голосов, что значительно ниже 75 % – в 1996 г., 69 % – в 2001 г., 68,3 % – в 2011 г. В абсолютном выражении число голосов выросло с 5,1 млн в 2001 до 15,3 млн в 2016 г. Кизза Бесидже – кандидат от оппозиционной партии Форум за демократические перемены (ФДП) – в 2016 г. завоевал

35,4 % голосов, проиграв четвертые выборы. Иностранцы наблюдатели отмечали «атмосферу запугивания» в стране [7]: сообщалось о случаях насилия на избирательных участках. Бесидже неоднократно во время избирательной кампании и подведения итогов задерживался властями и заключался под домашний арест.

Международные наблюдатели признали выборы свободными и справедливыми, хотя это, безусловно, было не так: ДНС имела почти неограниченный доступ к государственным ресурсам, которые могла использовать во время предвыборной кампании действующего президента; было выявлено множество нарушений – около 20 тысяч имен зарегистрированных избирателей оказались фальшивыми; полиция арестовывала сторонников оппозиции, использовала слезоточивый газ для разгона толпы. Бесидже несколько раз арестовывался и вывозился из Кампалы. По всей столице были расщеплены группы сотрудников службы безопасности. Избирателям говорили, что победа оппозиции повлечет за собой войну и захват власти военными, и это было не пустой угрозой в стране с долгой историей военных переворотов и конфликтов.

26 февраля Мусевени был объявлен победителем, но результаты подсчета голосов оппозицией и ИК сильно расходились [8]. 60,75 % выглядят как убедительная победа. Однако для Мусевени, который ранее побеждал с большим успехом, это могло свидетельствовать об ослаблении поддержки электората, уставшего от 30-летнего правления лидера. Мусевени, видимо, искренне полагает, что он единственный, кто сможет обеспечить стабильность и предотвратить неминуемое в случае его ухода сползание Уганды к насилию и разрухе 1970–1980-х гг. Однако к 2021 г., когда должны будут пройти очередные выборы, он превысит максимальный возраст кандидата в президенты. Попытается ли он изменить и этот пункт конституции?

Надо сказать, что сохранению Мусевени своих позиций и авторитета способствует отсутствие альтернативной личности, которая могла бы возглавить страну. Старшее поколение помнит, что именно при Мусевени в каждом доме появились радиоприемники, телевизоры и другие блага цивилизации, которых не было до 1986 г., что заметно повысился уровень жизни населения. Сам президент более популярен, чем его партия

и правительство. Сколько бы люди ни жаловались на неудачи администрации, они никогда не обвиняли главу государства. Напротив, говорили: пока Мусевени еще не так стар, пусть лучше он остается у власти, потому что новый неопытный президент сведет на нет все его достижения.

Уганда относится к немногим африканским странам, живущим несколько десятков лет без войн и конфликтов, и население благодарно за это именно Мусевени. Кроме того, далеко не все угандийцы озабочены проблемами демократизации, прав человека, ротации правителей и т. д. К тому же смена власти в развивающихся обществах зачастую приводит к нестабильности и утрате всех «завоеваний» – политических и экономических. Возможно, именно поэтому Мусевени, как утверждают многие его противники, готовит себе в преемники сына, зная, что в случае его прихода к власти он продолжит политику отца.

Долгожительство само по себе не может быть серьезной проблемой, но оно, как правило, сочетается с ростом коррупции, самоуверенностью и, соответственно, меньшей подотчетностью, с возникновением конфликтогенной ситуации. А если вспомнить, что «несменяемость» была одной из основных претензий африканцев к лидерам старшего поколения, то можно признать, что круг замкнулся. Подавляя политическую инициативу, новые лидеры сделали шаг к возрождению старого типа управления.

В отличие от многих других африканских лидеров-долгожителей, Мусевени добился многого, особенно в социально-экономической сфере. В Уганде наблюдается совпадение интересов еще не до конца насытившегося властью лидера и населения, пусть и лишенного многих гражданских свобод, зато живущего в мире и относительном благополучии.

Ссылки

1. Ingram D. Why Can't African Leaders Let go? // *The Round Table*. 2007, Febr. Vol. 96, № 388. P. 71–75.
2. *Legacies of Power. Leadership Change and Former Presidents in African Politics* / Ed. R. Southal, H. Melber. Uppsala, 2006. 350 p.
3. *История Африки в биографиях*. М., 2012. 1112 с.
4. Brett E. A. Responses to poverty in Uganda: structures, policies and prospects // *Journal of International Affairs*. 1998. № 52(1). P. 313–338.
5. URL: <http://www.africaneconomicoutlook.org/en/country-notes/east-africa/uganda/>
6. *Electoral democracy in Uganda: Understanding the institutional processes and outcomes of the 2006 elections*. Kampala, 2008. 320 p.
7. URL : http://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160220_uganda_museveni_won
8. <http://www.nation.co.ke/oped/Opinion/Ugandan-elections/-/440808/3104734/-/b3yqp1z/-/index.html>